

*Т.П.ШТЕЦ,
Мурманский государственный педагогический университет*

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ КОРНИ НАЦИОНАЛЬНОГО МИРОВОЗЗРЕ- НИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

В статье анализируется проблема формирования национального мировоззрения в первой половине XIX века.

Проблема формирования национального мировоззрения имеет глубокие историко-культурные корни. История формирования национального мировоззрения по сути есть история «наполнения» разными смысловыми парадигмами его базовой сущностной черты - русского мессианизма, сквозным вопросом которого был на протяжении нескольких веков вопрос об отношении России к Западу в связи с поисками собственных путей в мировой истории. В XIX веке мессианская идея определилась как система философских построений, названной исследователями Русской идеей, концептуальное оформление которой оказалось связанным с полемикой славянофилов и западников.

Появление «Философических писем» (1836 г.) Чаадаева произвело «эффект выстрела в ночи» (А.Герцен), поскольку мыслитель в эпатажной форме, с безоглядной, поразившей современников смелостью сказал об отставании России - об отсталости экономической и политической, социальной и культурной. Более того, русский мыслитель заявил о рабстве, которое, по его утверждению, охватило все общество в России, все - снизу доверху, и разъело душу страны, развратило всех и каждого. А русский народ предстает под пером Чаадаева не богоизбранным, не богоносным, а богооставленным, самой судьбой отброшенным на обочину истории. Ничем не оправданная, по мнению Чаадаева, приверженность России к византизму привела страну к невероятной ее косности, застою, отчуждению от прогрессивной культуры Запада. А поскольку религия, по Чаадаеву, основа культуры и нравственности, то богооставленность России - главная причина ее вековой отсталости.

Таким образом, Чаадаев подошел к оценке места России в мире, ее настоящего и будущего не с узких, а глобальных, всемирных позиций. Раскинувшись между двух великих делений мира, писал он, между Востоком и Западом, опираясь одним концом на Китай, другим на Германию, Россия должна была сочетать в себе два великих начала духовной природы - воображение и разум и объединить в российской цивилизации историю всего мирового шара. Но все это в возможности, в потенции, скрыто и не реализовано. Реальность же России ужасающа. Чаадаев, решившись на «национальное самоосуждение», поставил проблему о несоответствии величия России ничтожеству ее повседневного существования. Католический Запад в его философских построениях выступил как бы идеальной моделью (хотя в дальнейшем отношении Чаадаева к Европе существенно менялось), а Россия - страной, о судьбе которой Провидение было мало озабочено, и потому она просто «заблудилась на земле»: «Дело в том, что мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось».¹

Чаадаев поставил свой жесткий диагноз родной стране: ущербное, недоразвитое национальное беспамятство. Мы так странно движемся во времени, заключает Чаадаев, что по мере движения вперед пережитое пропадает для нас безвозвратно. Мы живем лишь в самом ограниченном настоящем, без прошедшего и будущего, среди плоского застоя. Мы растем, но не созреваем, движемся вперед, но по кривой линии, которая не ведет к цели. По мнению А.Новикова, «Философические письма» Чаадаева и сформулированные в них идеи - «поистине акт национальной самооценки, продиктованный искренней, непоказной любовью к России».²

¹ Чаадаев П.Я. Философические письма // Соч. - М, 1989. - С. 18

² Чаадаев П.Я. Философические письма // Соч. - М, 1989. - С. 18

Как было замечено выше, самокритический взгляд России на саму себя, на свою историю (национальное покаяние) в христианском духе неразрывно связывается в национальном самосознании с очищением и преображением. И эту религиозную связь Чаадаев выдерживает. В более поздних работах он выражает надежду на преображение России. Его надежда зиждется на оригинальной провиденциалистской концепции философии истории, которую Чаадаев обосновывает, базируясь на русской религиозной мессианской идее. Согласно этой концепции, смысл истории определяется «божественной волей», властвующей в веках и ведущей человеческий род к его конечной цели. Провидение при этом не лишает действующих лиц этой драмы свободы выбора целей и средств, но тем самым оно ставит их в ситуацию ответственности. И чем явственнее обозначается провиденциальный смысл истории, тем выше ответственность человека за ее исход. И хотя Откровение лежит в основе исторического бытия мира, субъектом его выступает тем не менее все человечество или отдельный народ, как его персонифицированная часть. В этом смысле нет народов исторических и неисторических, но есть народы, уразумевшие и неуразумевшие замыслов Провидения, не откликнувшиеся на его знак.

Таким образом, у России, согласно концептуальной схеме Чаадаева, имеется огромный скрытый нереализованный потенциал и поэтому социально-экономическая отсталость страны может для нее обернуться историческим преимуществом. Первое преимущество - это «девственность», нетронутость национального самосознания в отличие от Запада, имеющего не только тысячелетний духовный опыт, но и тяжелый груз привычек, предрассудков, догм. Второе преимущество России определяется ее молодостью. Она не замкнута, открыта, свободна для восприятия любого опыта и любой культуры, ее ничто не стесняет. И последнее преимущество, дающее, по Чаадаеву, надежду на преображение России, заключено в особенностях православия, сохранившего аскетизм и духовность первоначального христианства.

Итак, по Чаадаеву, поиск Россией своей национальной идеи - *акт провиденциальный*: народ должен будет проникнуться «идеей, которая ему доверена и которую он призван осуществить».¹ «Россия, если только она уразумет свое призвание, должна принять на себя инициативу проведения всех великодушных мыслей...», - замечает мыслитель, подтверждая таким образом приверженность русской мессианской идее. Философские раздумья Чаадаева позволяют сделать вывод о том, что русское мировоззрение расширяет свое смысловое поле: идея «национального самоосуждения» оформляется в религиозно-философском смысле как идея покаяния в составе религиозного мессианизма русского самосознания - базовой черты национального мировоззрения.

От «Философических писем» Чаадаева идут нити к западникам и славянофилам, в полемике которых, как уже было сказано выше, и раскрылось в виде философского построения содержание национального мировоззрения. Известно, что истоки полемики двух направлений философско-общественной мысли восходят к спору по поводу отношения к поэме Н.Гоголя «Мертвые души». Одни в ней увидели клевету на Россию и одновременно откровение, пророчащее ей великое будущее. Другие, напротив, оценили реализм писателя. И таким образом на основе разных оценок произведения оформилось глубокое теоретическое размежевание на два идейных направления - *западников и славянофилов*, главным стержнем полемики которых вновь стала оппозиция «Россия - Европа» в связи с прогнозированием будущего страны.

Вместе с тем эти два противоположных течения русской духовной жизни, по-разному определяющих национальное мировоззрение, были по сути, как утверждают исследователи (например, П. Анненков), спором двух различных видов одного и того же русского патриотизма. В «Русской идее» Н. Бердяев позже напишет, что «славянофилы любили Россию, как мать, западники - как дитя».²

Итак, славянофильство как социально-философская концепция со своими взглядами на историю, культуру, религию сложилось в 30-40 годы XIX века. Славянофилы предприняли попытку осмыслить суть национального мировоззрения: философски обос-

¹ Чаадаев П.Я. Философские письма // Соч. - М., 1989. - С. 25.

² Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. — М., 1990. - С. 23.

новали проблему смысла бытия русского народа и дали оригинальную интерпретацию русского самосознания в сравнении с народами Западной Европы. В своих историософских построениях славянофилы попытались, исходя из собственного понимания потребностей и надежд своего народа, сделать конкретный прогноз или «угадать» глобальную будущность своего Отечества и определить пути ее достижения.

По И.Киреевскому, «внутренняя история» народа не может «выводиться» из конкретных фактов, ибо национальный «дух жизни» невозможно постигнуть «отвлеченно-логическим мышлением». Поскольку история народов движется волею Создателя, то конечная цель славянофила «внутренней силой ума» угадать замысел Бога о России.¹ А.Хомяков определяет задачу так: понять «волю Промысла» или, если с нашей стороны слишком дерзко, угадывать пути проведения», смысл всеобщей истории.²

Для уяснения понимания славянофилами национального мировоззрения следует обратиться к взглядам Киреевского о преемственности народов в историческом развитии. Различные этносы выступают на первый план мировой истории в свое время, то есть «каждая эпоха человеческого бытия имеет своих представителей в тех народах, где образованность процветает полнее других». Когда же исторический процесс, «довершив известный период своего развития идет далее», те или иные народы, ранее адекватно отражавшие «господствующий характер просвещения», перестают быть двигателем всемирной истории. «Их место заступают другие, коих особенность всего более согласуется с наступающей эпохой».³

По мнению славянофилов, уже приходит то время, когда «особенность» русского народа наконец «согласуется с наступающей эпохой» и русский народ реализует свою потенциальную возможность претворить в жизнь свое предназначение и стать двигателем всемирной истории. При этом славянофилы полагают, что для осуществления миссианской роли России потребуются также усвоение русским народом достижений мировой цивилизации. Все это сделает возможным преодоление рационалистической односторонности западной культуры и появления нового культурного единства. Это и есть историческая задача России.

Обосновав мысль о религиозных истоках национального мировоззрения, славянофилы заявили, что его инвариантом является идея религиозного русского мессианизма. Благодаря принятию восточного варианта Христианства, русский этнос осознал свое место в мире и начал вырабатывать собственную национальную идею. «Единство верований в церковные постановления», по мысли И.Киреевского, стали мощным этноконсолидирующим фактором. «Ибо не только духовные понятия народа из них исходили, но и все его понятия нравственные, общежительные и юридические, переходя через их образовательное влияние, опять от них возвращались в общественное сознание, приняв одно общее направление».⁴

Таким образом, в концепции национальной идеи у славянофилов религиозное и культурно-историческое призвание России объясняется традиционно в контексте глубинного православия русского народа. Разъясняя сущность православия, А.Хомяков пишет, что оно «в полноте своего божественного учения представляло идеи единства и свободы, неразрывно соединенные в нравственном законе взаимной любви»,⁵ что в философии определяется как соборность. Так Хомяков в национальном мировоззрении выделяет новую сущностную характеристику: в смысловой парадигме появляется православное понятие *соборность*, являющееся ключевым в работах Хомякова.

У соборности как собственно русского философского понятия есть несколько истоков:

- 1) православная вера как душа, стержень русской соборности;

¹ Киреевский И.В. Критика и эстетика. – М., 1979. – С. 311.

² Хомяков А.С. О старом и новом. – М., 1988. – С. 203.

³ Киреевский И.В. Избранные статьи. – М., 1989. – С. 77.

⁴ Киреевский И.В. Избранные статьи. – М., 1989. – С. 76.

⁵ Хомяков А.С. О старом и новом. – М., 1988. – С. 200.

2) социально-исторические и психологические истоки дохристианского характера, обусловленные общиной, коллективизмом, взаимопомощью в периоды угроз и опасностей и вместе с тем свободолобием.

Таинство соборности, генетически происходящей от общины и Православия (вспомним само слово «собор» - храм) - в синтезе веры, мысли и действия, в превознесении гармоничного единства общего, особенного и единичного при обеспечении самостоятельности единичного и особенного, их красочного своеобразия. Свобода человека и его святое право на свое суждение и миропонимание при сохранении теплоты общения, взаимопомощи, консолидационных, в том числе государственно-централизованных связей, обусловлены спецификой российской православной духовности, светом, идущим от Богородицы.

По мнению славянофилов, соборность определяющая в формировании особого типа личности русского человека. По существу, здесь делается ставка на доброжелательность и любовь в отличие от западного рационализма, слишком поощряющего индивидуализм. Идеал славянофилов - человек, охваченный «хоровым чувством», один из общинников, слившийся в единой вере и с ощущением соборности с другими верующими.

Таким образом, соборность является прежде всего ценностью религиозного сознания и практики. Но справедливо и бесспорно утверждение исследователей (например, Е.Троицкого,¹ А.Гулыги²), что это не только религиозная категория. Уже у славянофилов соборность - это принцип, порядок, в конечном итоге метафизическое основание, на котором строится структура личности и отношения между людьми, жизнь всего человечества и даже само мироздание. Это и природа православной церкви («единство во множестве»), опирающаяся на любовь к Богу и взаимную любовь ко всем, кто любит Бога. Это понятие, которое объемлет и человека, и общество, и процессы познания и творчества. «Только в живом общении с народом выходит человек из мертвого одиночества эгоистического существования и получает значение живого органа в великом организме...», - писал А.Хомяков.³

В национальной концепции славянофилов и ее инварианте религиозном мессианстве соборности отводится особая роль: перед Россией, считают славянофилы, стоит великая задача - не только свою жизнь построить на подлинно христианских началах, но и осуществить мессианское предназначение: донести принципы этой жизни до людей всей земли. Россия должна указать человечеству дорогу к истинному братству и истинному единению - соборности.

С принципом соборности в дальнейшем будет связан главный вопрос русской философии - именно на него будут выходить все поиски смысла существования и места России во всемирной истории. Понятие соборности станет основным в характеристике русского мировоззрения. Концепция соборности получит свое дальнейшее развитие в исследованиях философов Серебряного века (в частности, Н.Бердяева, И.Ильина), окажется генетически связанной с теориями «всеединства» Вл.Соловьева, «всечеловечности русской культуры» Ф.Достоевского, отечественным космизмом и философским, и поэтическим.

Если вопрос о роли России в общечеловеческом цивилизационном процессе был основным в споре славянофилов и западников, то вопрос о соборности определял их различия в интерпретации этой роли и связи культурно-исторического прошлого страны с ее настоящим и будущим. Западники проблему отношения Россия - Запад решали иначе, чем славянофилы. Все, что те расценивали как благо России, западниками интерпретировалось как причина экономической и духовной отсталости. В своей идеализации Западной Европы и отрицании всей русской жизни отдельные западники достигли крайней формы откровенности.

Как сладко отчизну ненавидеть!! И жадно ждать ее уничтоженья... -

¹ Троицкий Е.С. Возрождение Русской идеи. - М., 1991. -С.171.

² Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы. - М., 1995. -С. 19.

³ Хомяков А.С. О старом и новом. - М, 1988. -С. 158.

так заявил В.Печерин, поэт и филолог, профессор Московского университета, эмигрировавший из России и принявший католичество. Особенно резко западниками критиковались и соборно-общинные начала в русском самосознании. «Что мне в том, что живет общее, когда страдает личность?» - заключал Белинский.¹

Базовая черта западной философской теории - идея национального самоосуждения и движение в сторону католицизма и рационалистической Западной культуры как идеальной модели для России. Быть европейскими русскими и русскими европейцами - вот тезис, с которым выступали западники. Их идеал - независимый (по западному образцу) человек, «свободный от принижающей его нерассуждающей преданности кому бы то ни было, индивидуалист».² Это разумный эгоист, соразмеряющий свои потребности и запросы с такими же независимыми суверенными личностями. Своеобразным манифестом этих позиций западников стало стихотворение Н.Огарева «Свобода»:

Измученный рабством и духом унылый
Покинул я край мой родимый и милый,
Чтоб было мне можно, насколько есть силы,
С чужбины до самого края родного
Взывать громогласно заветное слово:
Свобода! Свобода!

Таким образом, соборной личности западники противопоставили автономную, обособленную личность, которая является для них действительной вершиной исторического мира.

Л.С. ЩЕННИКОВА,

Псковский государственный педагогический университет

«ЧЕРНЫЙ КВАДРАТ» КАК ФИЛОСОФСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ

Показано, что известное произведение К.Малевича является художественным выражением проблемы бытия и небытия как основы нашего мира.

Среди множества вопросов, которые задают студенты, есть неизменный, повторяющийся из года в год – это вопрос о смысле «Черного квадрата» К.Малевича. И действительно, почти век прошел с момента создания этого полотна (1913), а споры вокруг него все еще горячи, и интерес к нему высок. Так в чем же тайна «Черного квадрата»?

Посмотрим на это произведение с точки зрения философии.

Любое явление в мире так или иначе отражает сущность этого мира. Любое произведение искусства, хотел того автор или нет, несет в себе бездну смыслов, которые можно расшифровывать и расшифровывать, исходя из различных кодовых систем. «Черный квадрат» представляет собой, если рассматривать его просто как вещь, холст, на котором изображен искомый черный квадрат на белом фоне. И более ничего. Если же рассматривать его как явление, таящее в себе и вложенные художником, и привнесенные зрителями смыслы, т.е. как произведение искусства, и попытаться эти смыслы понять, то обнаружится, что здесь таится множество философских ассоциаций, ведущих к пониманию «Черного квадрата» как минимизированного образа мира, портрета того, что лежит в основе нашего бытия.

Нам даны здесь цвет: черный и белый, и форма: квадрат. На резонный вопрос «Почему же это образ нашего мира?», попытаемся ответить.

Итак, цвет.

Известно, что Малевич писал и красный, и иные квадраты, но только изображение черного стало шедевром. И это обоснованно. Художник интуитивно понял, что здесь не-

¹ Белинский В.Г. Письмо В.П.Боткину 8 сентября 1841 г. // Собр.соч.: В 9 т. – М., 1982. Т.9. - С.482.

² Новиков А.И. История русской философии. СПб. 1998. - С. 105.